

Олег Барма

*магістр педагогічних наук,
преподаватель кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности БГУКИ, г. Минск
barma_oleg@mail.ru*

Реконфигурация смыслового пространства библиотеки в дискурсивных практиках постнеклассической культуры (на примере романа Э. Костовой “Историк”)

Становление постнеклассического типа рациональности в контексте европейской культуры было ознаменовано интенцией на реконфигурацию ценностных иерархий и интерпретационных матриц, составляющих концептуально-методологический каркас категориального строя культуры; выявление новых мировоззренческих схем и интерпретационных стратегий, позволяющих, в контексте формирования альтернативных мировоззренческих программ, зафиксировать процессы самоорганизации смыслового пространства культуры. Появление новых, противопоставляющих себя предшествующим, мыслительных инструментов, с помощью которых происходит формирование надындивидуальной картины мира с установками на реализацию дискурсивных практик, основанных на идее изначальной ризоморфности ценностно-смыслового пространства культуры.

Интерес для исследования в данном контексте представляют тексты художественной литературы, репрезентирующие как сам мир (действительность), понимание мира автором с учетом господствующей ценностной системы координат, ценностное отношение к представленному и понятому со стороны самого читателя. В дискурсивных практиках постнеклассической культуры художественный текст выступает не только и не столько в роли репрезентанта смыслов, которые представлены в культуре в статусе семантически и аксиологически доминирующих, сколько выступает актором порождения смыслов, основанных на: индивидуальных прочтениях ИДЕИ текста (свой антигерой у Д. Фаулза); интерпретационных стратегиях как самой культуры (идея светскости у М. Кундера), так и мировоззренческих схем, фиксирующих надындивидуальную картину мира самого интерпретатора (идея сообщника у У. Эко и соавтора у Х.-Л. Борхеса).

Для постнеклассической культуры интерес представляет выявление индивидуального подхода к самой рефлексии: принимая

тезис “Смерть Суб’єкта” как конструкта классического постмодернизма, представители постнеклассики обращаются к идее “Воскрешение Суб’єкта”, но не как началу культивирования нового этапа субъективности в истории человечества, а в рамках рефлексивного осмысления индивидом идей постмодернизма в контексте новой социокультурной ситуации, в которой главным создателем смыслов выступает не текст (закрытая структура), а метатекст, как целостная, но в тоже время эксплицитно открытая система. Последняя позволяет индивидууму на основе репрезентированных явных и неявных, ризоморфных по своей структуре смыслов, в связке со своим ЛИЧНЫМ опытом, создавать свои смыслы и делать их частью культуры (по В. С. Степину — отчуждения смысла (идеи) от человека и ее бытования в ценностно-смысловом пространстве культуры).

Метатекст — как совокупность множества смыслов становится исследовательским концептом Э. Костовой для создания романа “Историк”. Идея романа (как и само содержание) основывается на мифе о графе Дракуле, базируясь на биографических данных Влада Тепеша, а также — на готических мифах, созданных в лучших традициях литературной мистификации, автор создает своеобразный ризоморфный лабиринт смыслов, идей, отражающих исторические факты и являющихся частью европейской и мусульманской культуры. В центре романа борьба ученых-интеллектуалов с мифическим героем готической литературы Владом Дракулой. Борьба ведется через тексты, а именно — через смыслы, заложенные в самом тексте, через их интерпретацию, приводящую к дальнейшему их порождению.

Отправной точкой, своеобразным приглашением как самого читателя, так и главных героев к интеллектуальной борьбе (уместно говорить и об интеллектуальной игре), становится описание книги, которую Дракула подбрасывает ученым в качестве своеобразного признания их научных достижений. Изучение книги как множественности смыслов, напрямую не связанных друг с другом, но имеющих общее происхождение, позволяет героям найти связь с другими изданиями, разбросанными по библиотекам Европы и Азии: каждая книга, отмечают герои, повествует о другой книге — все вместе они указывают путь к личной библиотеке графа Дракулы (уместно сравнение с идеями Х.-Л. Борхеса о “Книге книг”, о каталоге, в котором собраны сведения о книгах, когда-либо написанных человечеством, и о книгах, которые могли быть написаны, но не написаны).

Путешествие по странам и континентам, посещение библиотек университетов и религиозных орденов, изучение библиотечных ка-

талогов, библиографических списков в поиске информации, “тайного знания” позволяющего одержать интеллектуальную победу над Дракулой, приводит к мысли о “необъяснимой множественности”, которая рождается после прочтения текста, а выбор одного из вариантов позволяет конструировать новую реальность. В романе представлено множество списков, изучение которых напрямую или косвенно помогают героям найти местонахождение графа Дракулы и его библиотеку; при этом последняя представляет собой смысловой лабиринт, пространство дискурса, дискурса на основе определенных мировоззренческих схем и интерпретационных матриц.

Профессор Росси, попадая в библиотеку, свидетельствует о ее ризоморфности: обращаясь к одной книге, МЫ читаем истории, зафиксированные на страницах всех книг, но история постоянно меняется, ее изменчивость — следствие тех мыслительных инструментов, которые мы применяем. Пытаясь изучить смысловое пространство библиотеки, профессору приходит идея о том, что необходимо изменить представление человека о ее смысловом пространстве: разрушая классическую конфигурацию мыслительного процесса (“Я разрушаю выдвижные ящики мозга” Т. Тцара), человек способен создать свой книжный Универсум, где только интерпретация становится нитью Ариадны.

Росси сокрушается, что рождение смысла не зависит от толщины книги: так, одна и та же идея, подробно изложенная на страницах книжных фолиантов, может порождать множество смыслов. Библиотека — это и есть метатекст, уверен Росси, через которую мы можем познавать и быть познанными. Основная задача, стоящая перед человеком, решившим познать ее смысловое пространство, — это выработка определенных интерпретационных стратегий на основе доминирующих мировоззренческих матриц, определяющих надындивидуальную картину мира познающего.

Таким образом, в контексте постнеклассической культуры текст как средоточие множественности ризоморфных по своему содержанию смыслов рассматривается как метатекст, способствующий рождению новых смыслов, основанных на интерпретационных стратегиях читателя с учетом той превалирующей ценностной системы координат, которая является господствующей в конкретной культуре. Используя данный аспект, писатели-постмодернисты, в частности Э. Костова, актуализирует в своем романе ценностно-смысловое пространство библиотеки как пространство для осуществления дискурсивных практик, порождающих благодаря своему креативному потенциалу новые смысловые цепочки конструирования метатекстуальной действительности.

Summary. *In postnonclassical culture, the text as the concentration of rhizomorphic (in their content) meanings multiplicity is seen as the metatext, contributing to the generation of new meanings based on the hierarchy of values and interpretive matrices of the interpreter himself which are, in turn, the result of the prevailing value system of coordinates, that is conceptual and methodological framework of a particular culture's categorical apparatus. Using this aspect, postmodern writers, in particular E. Kostova in her novel "The Historian", examine semantic space of the library as a space for generating discursive practices, which produce, thanks to their internal creative potential, new value chains designing metatextual reality, in which, causing of a meaning is not the result of identifying the scheme of world order represented by the author of the text, but the result of intellectual activity of the reader, who actualizes any version of the scheme's perusal.*

Оксана Бельдій

аспірантка кафедри культурології
НПУ імені М. П. Драгоманова,
oksanabeldy@ukr.net

Взаємовплив релігії та мистецтва: історико-культурний контекст

Сучасність демонструє численні приклади утилітарного відношення до мистецтва (реклама, політична агітація, ідейна пропаганда і т.п.). Історично склалося, що релігія постає сферою, де мотивовані і немотивовані функції мистецтва частково збігаються. Відповідно релігійний вимір мистецької творчості є досить неоднозначним. Його характер варіюється в залежності від певної культурної традиції, географічної локалізації та часової визначеності. У процесі секуляризації мистецько-релігійний синкретизм архаїки та деяких традиційних суспільств поступово трансформується. Крайня міра даної трансформації може виражатися у протиставленні мистецтва і релігії. Як це бачимо на прикладі радянсько-атеїстичної кампанії, де не лише розмежовувалися сфера сакрального і мистецтва, але й здійснювалася критика релігії мистецькими засобами.

У широкому розумінні релігійним є мистецтво, яке виражає релігійні ідеї та прагнення, тобто має релігійну зорієнтованість, незалежно від того є воно культовим, чи ні. У вузькому розумінні релігійне мистецтво є культовим, підпорядкованим церковним канонам і меті. Інструменталістське застосування мистецтва у релігійних практиках характерне для теократичних держав давнини (Старо-